
18+
Дом на краю памяти
Зорин Яромир

Яромир Зорин

Дом на краю памяти

«Издательские решения»

Зорин Я.

Дом на краю памяти / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Две девушки, давно забывшие о существовании друг друга, получают загадочные анонимные записки. Короткий текст не оставляет выбора: мольба о помощи ведет их туда, где время остановилось много лет назад — в глухую лесную чащу, к заброшенному дому, который они поклялись обходить стороной. Здесь, среди гнилых стен и шепота теней, спрятана их общая тайна из детства. Чтобы выбраться живыми и навсегда разорвать путы прошлого, им придется сыграть в жестокую игру, где ставка — не свобода, а сама жизнь.

© Зорин Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 6
Пролог 7
1 9
Шепот из конверта 10
2 12
На пороге тишины 13
3 15
Вороны 16
4 18
Пайпер 19
5 21
Погоня 22
6 24
шопот 25
7 27
под домом 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Дом на краю памяти

Яромир Зорин

Прошлое не умеет хранить секреты. Оно умеет только ждать

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-7066-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Пролог

Солнечный свет пробивался сквозь густую листву векового леса, создавая причудливые узоры на лесной подстилке. Десятилетние Латифа, Камилла и Алонда, увлеченные игрой в «принцесс», забрели слишком далеко от знакомой опушки. Здесь деревья смыкались плотнее, а воздух становился прохладным и влажным, пахнущим прелой хвоей и чем-то неуловимо тревожным. В руках у Латифы была ее главная гордость — старинная фарфоровая кукла в кружевном платье. Девочка берегла ее больше всего на свете, повсюду носила с собой, разговаривая с ней как с живой.

— Мы заблудились, — прошептала Камилла, оглядываясь по сторонам. Страх, до этого дремавший где-то на задворках сознания, холодными иглами пронзил сердце. — Латифа, мы ушли слишком далеко, надо возвращаться!

— Это ты нас завела сюда! — огрызнулась Латифа, прижимая куклу к груди. — Мы ходили туда, куда ты указывала!

Напряжение, копившееся с каждой минутой осознания того, что тропинка исчезла, выплеснулось наружу. Девочки начали кричать друг на друга, обвиняя в беспечности. В пылу ссоры Алонда толкнула Латифу. Та пошатнулась, запуталась в корнях, выступающих из земли, и с громким вскриком рухнула на жесткую лесную почву. Раздался сухой, неприятный хруст. Фарфоровое личико куклы, ударившись о камень, разлетелось на десятки острых осколков. Кукла была безнадежно испорчена. Наступила звенящая тишина. Латифа замерла, глядя на безжизненные обломки в своих руках. Ее лицо исказилось от горя и ярости.

— Ты! — взвизгнула она, вскакивая и бросаясь на Алонду с кулаками. — Ты убила ее!

Завязалась беспорядочная потасовка. Девочки толкались, царапались и в слезах пытались выместить на подругах страх от того, что они потерялись. Латифа, ослепленная рыданиями, не видела, куда делает шаг. Она рванулась вперед, споткнулась о скрытый под слоем листьев ржавый механизм и тяжело повалилась навзничь. Раздался глухой, металлический лязг, эхом отразившийся от стволов деревьев. Алонда и Камилла, еще секунду назад готовые продолжать драку, застыли. В воздухе повис густой, медный запах крови. Латифа больше не кричала — она лежала неподвижно, а ее голова оказалась зажата мощными, зазубренными челюстями старого медвежьего капкана. Лес ответил им оглушительной тишиной. Смертный ужас ледяной волной накрыл Алонду и Камиллу. Не оглядываясь, не в силах даже издать звук, они сорвались с места и бросились бежать прочь, вглубь лесной чащи, оставляя подругу и ее разбитую мечту навсегда во тьме этого проклятого места.

Бег не принес спасения. Лес, казалось, лишь глубже затягивал девочек в свои лабиринты. Деревья, словно живые стражи, смыкались за их спинами, скрывая обратный путь, а сумерки густели, превращая стволы в призрачные силуэты. Камилла и Алонда остановились, тяжело дыша, когда легкие начало жечь от нехватки воздуха. Вокруг стояла мертвая, неестественная тишина — ни пения птиц, ни шороха листвы. Только где-то вдалеке, едва слышно, ухнула сова, и этот звук прозвучал как насмешка над их отчаянием.

— Мы… мы должны были позвать на помощь, — прохрипела Камилла, чувствуя, как по щекам текут холодные слезы. Ее трясло от осознания того, что они сделали. Они бросили Латифу. Бросили ее умирать одну в чаще, повинуясь животному инстинкту самосохранения.

Алонда не ответила. Она стояла, уставившись в пустоту перед собой, и ее пальцы судорожно сжимали край кофты. В ее глазах застыло нечто более страшное, чем просто испуг — полное опустошение. Внезапно со стороны, откуда они прибежали, раздался странный, ритмичный звук. Словно кто-то — или что-то — волочил по сухой земле тяжелый металлический предмет. *Лязг. Скрежет. Лязг.*

Девочки похолодели. Этот звук неумолимо приближался. Они обернулись, вглядываясь в густеющий мрак. Между деревьев показалась сгорбленная фигура. В сгущающихся сумерках было трудно разобрать детали, но в руках существа тускло поблескивало то самое ржавое железо, ставшее роковым для их подруги. Алонда и Камилла закричали, но звук их голосов потонул в шелесте леса. Они попытались броситься прочь, но ноги, словно онемев, отказались слушаться. Земля под ними внезапно подалась — под толстым слоем хвои скрывался неровный склон, ведущий в глубокий овраг, о существовании которого они не подозревали. Они полетели вниз, кувыркаясь через корни и острые камни. Последнее, что услышала Камилла перед тем, как тьма окончательно поглотила ее сознание — это тихий, почти нежный шепот, донесшийся сверху, из глубины леса, словно сама чаща принимала новую жертву в свои объятия:

— Вы не должны были ее оставлять…

Лес снова погрузился в тишину. Вековые деревья продолжали стоять, равнодушные к судьбам детей, храня свои тайны под слоем прелой листвы, которая очень скоро скроет следы этой трагедии, оставив лишь фарфоровые осколки напоминанием о том, что когда-то здесь кто-то был.

1

Шепот из конверта

Алонда не открывала почтовый ящик около месяца. В ее жизни, выстроенной по принципу идеального порядка и предсказуемости, бумажные письма давно стали атавизмом, раздражающим напоминанием о бюрократии. Но сегодня, когда она вернулась домой под аккомпанемент ледяного ноябрьского дождя, один конверт лежал поверх стопки счетов. Он был странным: плотная, пожелтевшая от времени бумага, отсутствие обратного адреса и ее имя, написанное неровным, почти детским почерком. Она вскрыла его уже в прихожей, отбросив промокший зонт. Внутри оказалась единственная карточка, исписанная тем же дерганым почерком: «Оно все еще там. Приходи, если хочешь, чтобы мы договорили до конца. Камилла уже едет». Алонду словно ударило током. Имя — имя, которое она вычеркнула из своей памяти десять лет назад, как вычеркивают случайных прохожих из телефонной книги. Камилла. Как этот человек узнал? Как они вообще могут встретиться после того, что случилось в тот проклятый август?

За триста километров от Алонды, в душном салоне своего автомобиля, Камилла сжимала руль так, что костяшки пальцев побелели. Дождь барабанил по крыше, превращая свет фар в размытые пятна. На пассажирском сиденье лежала точно такая же карточка. Она не планировала ехать. Она хотела сжечь записку, выбросить ее в урну, забыть, как забывала кошмары каждое утро. Но внутри, под слоями взрослой, успешной жизни, снова заворочался тот самый детский страх — липкий, холодный, пахнущий сырой землей и гнилой древесиной. Дом в лесной чаще. Место, где они поклялись никогда не появляться. Место, где их общая тайна пустила корни, глубокие и удушливые, как плющ на фасаде заброшенного особняка. Камилла резко вывернула руль на проселочную дорогу, проигнорировав знак «Проезд закрыт». Свет фар выхватил из темноты искривленные стволы деревьев, которые, казалось, тянулись к машине, как иссохшие руки. Где-то там, в конце этой дороги, их ждало прошлое. И оно, судя по всему, проголодалось.

2

На пороге тишины

Дом выглядел именно так, как они его запомнили: покосившийся каркас, просевшая крыша и пустые глазницы окон, глядящие в чащу с немым укором. Алонда приехала первой. Она стояла у крыльца, вцепившись в ремешок сумки, и чувствовала, как холод пробирается под пальто. Звук мотора нарушил гнетущую тишину леса. Свет фар ударил по фасаду, высветив облезшую краску, а затем погас. Хлопнула дверца машины. Камилла вышла из темноты. Она изменилась: стала резче, строже, в глазах застыло выражение, которое бывает у людей, привыкших держать оборону. Она остановилась в десяти шагах, не решаясь подойти ближе.

— Ты приехала, — голос Камиллы прозвучал сухо, как треск сухой ветки под ногами.

— У меня не было выбора, — Алонда сделала шаг вперед, и доски крыльца предательски скрипнули. — Ты тоже получила записку?

— Да. И в ней было сказано, что мы здесь не одни. Камилла медленно перевела взгляд на темный дверной проем. Там, за чертой порога, царила абсолютная чернота. Алонда проследила за ее взглядом, и дыхание сбилось. Десять лет назад, в тот роковой август, этот дом был для них не просто местом — он был склепом.

— Мы не должны были этого делать, — прошептала Алонда, и этот шепот, казалось, утонул в густых лесных сумерках. — Мы могли вызвать полицию. Мы могли сказать, что она оступилась сама.

— Мы были детьми, Алонда! — Камилла внезапно сорвалась, ее голос эхом отозвался в пустоте дома. — Напуганными, глупыми детьми. Если бы мы рассказали правду, никто бы не поверил, что мы не толкали ее. Ты сама видела, как она выглядела после того, как сорвалась с обрыва. Алонда вздрогнула. В памяти вспыхнули обрывки: крик, резкий обрыв звука, глухой удар о камни внизу и их собственные руки, скользкие от грязи и страха, которыми они волокли тело подруги к этой самой хижине. Они спрятали ее под прогнившими половицами, в подполе, который пах сыростью и забвением.

— Мы не вернулись тогда, чтобы похоронить ее по-человечески, — Алонда посмотрела на свои ладони, словно видела на них старые пятна. — Мы просто ушли, решив, что если мы забудем, то и мир забудет. Но сейчас… ты чувствуешь это?

Камилла подошла ближе, преодолев последние метры. Она остановилась рядом с Алондой, глядя на приоткрытую дверь, которая тихо покачивалась от ветра, издавая противный, жалобный стон.

— Я чувствую, что она все еще там, — тихо ответила Камилла. — Под половицами. И мне кажется, она наконец-то захотела, чтобы мы закончили то, что начали десять лет назад. В глубине дома что-то глухо стукнуло — так, словно кто-то или что-то тяжелое сдвинулось с места прямо под их ногами. Как вы хотите продолжить: девушки должны войти внутрь дома, или они заметят снаружи нечто такое, что заставит их пожалеть о своем приезде?

3

Вороны

Лес вокруг хижины казался застывшим в неестественной тишине. Это был густой, древний хвойный массив, где солнечные лучи едва пробивались сквозь плотный полог переплетенных ветвей, превращая воздух в густую серую взвесь. Деревья стояли тесно, словно сговорившись, а земля под ногами была устлана толстым, пружинящим слоем прелой хвои, которая поглощала любые звуки. Сама хижина, покосившаяся от времени, выглядела как часть этого леса: сруб почернел, покрылся густым мхом, а крыша опасно просела под тяжестью старой черепицы. Внутри пахло сыростью, затхлой бумагой и чем-то неуловимо горьким. В единственной комнате царил хаос: опрокинутый деревянный стол, рассыпанные по полу сухие травы и обрывки пожелтевших газет, которые выглядели так, будто кто-то лихорадочно искал в них ответы. Тишину разорвал резкий, пронзительный визг сигнализации. Звук бил по ушам, отражаясь от стволов деревьев, словно эхо в бетонном колодце. Алонда и Камилла, всё еще находившиеся на пороге, замерли на долю секунды, переглянулись и, охваченные внезапной паникой, бросились к машине. Камилла тяжело дышала, ее пальцы судорожно сжимали край куртки. Ее старый, надежный внедорожник — видавший виды черный Ford Explorer — казался единственным островком безопасности в этом месте, но сейчас он выглядел зловеще. Добежав до него, девушки застыли. Передний бампер и разбитый капот автомобиля были буквально усеяны безжизненными телами ворон. Мертвые птицы лежали повсюду: на лобовом стекле, на крыше, вокруг колес. Их оперение сливалось с цветом кузова, создавая жуткую, неестественную картину. Воздух пропитался запахом железа и гнили.

— Что, черт возьми, здесь произошло? — прошептала Алонда, отступая на шаг. Камилла, стиснув зубы от смеси страха и нарастающей ярости, подошла ближе, игнорируя брезгливость. Она с силой захлопнула капот, чтобы заглушить истошный вой сигнализации, и та наконец стихла. Девушка нервно дернула дверную ручку — машина была исправна, но, пошарив по карманам куртки, Камилла побелела.

— Ключи… — её голос дрожал от злости. — Мои ключи. Я точно клала их в карман, когда мы входили в ту проклятую хижину. Их нет. Алонда, озираясь по сторонам, где меж деревьев начали сгущаться сумерки, схватила подругу за плечо.

— Камилла, это не просто случайность. Вороны… это предупреждение. Ты помнишь те письма? Анонимки, которые мы получали всю неделю? Кто-то знал, что мы приедем сюда. Кто-то следил за каждым нашим шагом, чтобы заманить нас в ловушку. Кому это нужно? Кто может стоять за этим безумием?

Камилла смотрела на мертвых птиц на капоте, и в её глазах, помимо ярости, поселилось ледяное осознание того, что они здесь совсем не одни.

4

Пайпер

Алонда и Камилла замерли, чувствуя, как на них давит само пространство леса. Алонда, высокая и худощавая, с копной рыжих волос, которые сейчас выглядели растрепанными и тусклыми, прижала ладони к груди. Ее большие карие глаза метались из стороны в сторону, выискивая движение в тенях деревьев. Камилла же была ее полной противоположностью: невысокая, с жесткими чертами лица и короткими темными волосами, она казалась более собранной, но сейчас ее скулы побелели от напряжения, а тонкие пальцы до боли сжали кулаки. Именно в этот момент из-за густого сплетения еловых лап показалась фигура. Девушки вздрогнули, но отступить было некуда. Женщина была глубокой старухой, чья кожа напоминала сухую пергаментную бумагу, испещренную глубокими морщинами. На ней был старомодный шерстяной платок, выцветший до цвета земли, и тяжелый, залатанный плащ. Несмотря на преклонный возраст, ее глаза — пронзительно-голубые, почти прозрачные — смотрели с пугающей ясностью.

— Не нужно так дрожать, — голос старухи был хриплым, как сухая листва, но удивительно спокойным. — Вороны — это лишь вестники того, что лес проснулся. Я — Пайпер. Живу чуть дальше, за оврагом. Камилла, все еще сжимая пустой карман, сделала шаг вперед:

— Вы украли ключи? Вы подстроили это?

Пайпер лишь горько усмехнулась, опершись на узловатую палку.

— Мне незачем воровать у вас кусок металла. Идемте. Здесь нельзя оставаться после заката, когда радиационный фон начинает «дышать». Слово «радиация» хлестнуло девушек по нервам сильнее, чем вид мертвых птиц. Доверие к незнакомке было противоестественным, но обстановка вокруг — звенящая тишина, мертвые птицы и потерянная мобильность — сломили их сопротивление. Они побрели вслед за Пайпер. Хижина Пайпер оказалась добротнее, чем та, которую они покинули. Внутри было тепло, пахло сушеными травами и жженым воском. Усадив девушек на грубые деревянные лавки, старуха налила им горячего отвара из травяного сбора. Его вкус — терпкий и горький — удивительно быстро успокоил их пульс, принеся странное, ватное спокойствие.

— Вы спрашиваете, что здесь происходит? — начала Пайпер, глядя на пляшущие в печи тени. — Много лет назад здесь не было леса, было поселение лесорубов. Но потом в небе случилась беда. Военный самолет… он нес опасный груз, невидимую смерть, упакованную в тяжелые свинцовые контейнеры. Он рухнул прямо здесь, в самом сердце чащи. Старуха сделала долгую паузу, слушая, как воет ветер в дымоходе.

— Никто не выжил. Ни те, кто был в самолете, ни те, кто жил в поселении. Лес стал могилой, пропитанной ядом. Металл гниет, почва болеет, и даже животные чувствуют, как меняется мир вокруг. Иногда природа сходит с ума, и птицы падают замертво, когда радиация делает резкий скачок. Письма, что вам приходят… это, возможно, эхо того прошлого. Кто-то очень хочет, чтобы люди не забывали, что эта земля теперь принадлежит не вам. Алонда перевела взгляд на свои руки, кажущиеся теперь болезненно бледными в тусклом свете лампы. Камилла молчала, глядя в пол. Страх никуда не делся, но слова Пайпер, какими бы безумными они ни казались, дали им хоть какое-то объяснение тому ужасу, что случился с их машиной. В хижине было тихо и безопасно, и впервые за день они почувствовали, что у них нет сил сопротивляться судьбе.

5

Погоня

После того как травяной отвар окончательно разморил сознание девушек, Пайпер внезапно изменилась. Ее пронзительно-голубые глаза, еще минуту назад казавшиеся мудрыми, теперь блестели хищным, лихорадочным огнем. Она поднялась, подошла к стене и с силой ударила по ней костяшками пальцев три раза.

— Руби! Галагер! — проскрипела она, и этот голос уже не был голосом немощной старухи. — Пришли новые гости. Свежая кровь для нашей земли. Дверь распахнулась, впуская в дом холод ночного леса. На пороге стояли двое мужчин, чьи фигуры казались неестественно огромными в полумраке. Руби, широкоплечий, с густой спутанной бородой, и Галагер, худой и жилистый, с неестественно длинными руками, сжимавшими массивные охотничьи ножи. От них пахло сырым мясом и застарелым страхом.

— Хороший улов, мать, — пробасил Руби, обводя девушек оценивающим взглядом, от которого у Алонды по спине пробежал ледяной пот.

— Они не радиации боятся, — прошипела Пайпер, становясь в дверях и преграждая путь. — Они боятся того, что мы сделаем с ними в этой тишине. Важное «ватное» спокойствие мгновенно испарилось, сменившись первобытным ужасом. Камилла, поняв, что их просто заперли в ловушке, резко толкнула стол, сбивая с него тяжелую чугунную лампу. Сноп искр брызнул в сторону охотников, и в возникшей на секунду панике девушки рванули к единственному окну. Камилла с размаху выбила хрупкую раму плечом, осколки стекла брызнули, как зубы дикого зверя. Они вывалились в ледяную темноту леса, почти не чувствуя боли от порезов.

— Бежим! — крикнула Алонда, хватая подругу за руку. Они неслись сквозь колючий кустарник, не разбирая дороги. В спину им донесся яростный рык Галагера и свист ножа, который вонзился в дерево прямо над головой Камиллы. Лес ожил: ветви, словно костлявые пальцы, цеплялись за одежду, хлестали по лицам. Внезапно Камилла вскрикнула — ее нога попала в глубокую яму, скрытую под слоем гнили. Раздался тошнотворный хруст. — Алонда… я не могу… — выдохнула она, оседая на землю. Позади, совсем близко, слышался тяжелый топот и хруст веток под сапогами преследователей. Алонда, стиснув зубы до скрежета, подхватила подругу под мышки. Каждый шаг давался с невероятным трудом, легкие горели от холодного воздуха.

— В ту хижину! — прохрипела Алонда, понимая, что идти к машине, забитой мертвыми птицами, — самоубийство, а в той, первой, хоть можно попытаться забаррикадироваться. Они, спотыкаясь и падая, добрались до полуразвалившегося сруба. Алонда втащила Камиллу внутрь и с размаху захлопнула тяжелую, прогнившую дверь, подпирая ее поваленным столом. В лесу воцарилась тишина, но она была наполнена тяжелым дыханием охотников. Девушки забились в самый темный угол, прижимаясь друг к другу. Снаружи раздался спокойный, насмешливый голос Пайпер:

— Бегите, бегите, милые. Весь этот лес — наш загон. Вы никуда не уйдете. Алонда взглянула на свои дрожащие руки: в темноте хижины она заметила на полу что-то металлическое, блеснувшее при слабом свете луны, пробивающемся сквозь щели. Это были ключи от машины Камиллы. Они лежали здесь, посреди хаоса, будто оставленные специально как приманка в этой смертельной игре.

6

ШОПОТ

Алонда и Камилла застыли, вжавшись в противоположные углы прихожей. Сердца колотились в горле, перекрывая гул крови в ушах. Снаружи, буквально в метре от прогнившей двери, слышались тяжелые шаги Руби и Галагера. Охотники были в ярости — они рычали, ломая кусты и с размаху ударяя ножами по стволам деревьев, предвкушая легкую добычу.

— Выходите, сучки! — донесся грубый голос Руби. — Лес не любит, когда дичь прячется! Мы все равно выкурим вас, как крыс!

Галагер издал утробный смешок, готовясь высадить дверь, когда вдруг в лесу наступила неестественная, вакуумная тишина. Птицы, насекомые, даже шелест листвы — всё замерло одновременно. Охотники вдруг прекратили движение. Алонда, прильнув к щели в стене, затаила дыхание. Она видела, как в лунном свете Руби и Галагер внезапно выпрямились. Их плечи неестественно опустились, а ножи выпали из рук, вонзившись в землю. В следующую секунду мужчины издали странный, булькающий звук, словно у них перехватило дыхание, и начали пятиться назад, не сводя безумных глаз с хижины.

— Она… она вернулась, — прошептал Галагер, и этот шепот прозвучал громче крика. — Мать предупреждала, что нельзя трогать тех, кто уже принадлежит этой земле. Они не просто убежали — они бросились врассыпную, в ужасе спотыкаясь о корни, забыв об оружии, о добыче и даже о собственной жизни. Они неслись прочь, охваченные таким первобытным страхом, что даже не оглянулись на хижину.

— Почему они ушли? — прошептала Камилла, ее зубы непроизвольно выбивали дробь. — Алонда, что происходит? Мы сходим с ума? Сначала старуха, потом эти психопаты, теперь…

— Замолчи! — Алонда схватила ее за руку, ее пальцы были ледяными. — Ты слышишь?

В тишине, которая навалилась на хижину, послышался звук. Он шел не снаружи, не из леса — он поднимался из-под их ног, из самой глубины прогнивших половиц, где десять лет назад они спрятали тело подруги. *«Алонда… Камилла…«*

Это был тонкий, жалобный шепот, напоминающий шуршание сухой травы. Голос был неестественно растянутым, лишенным дыхания, но абсолютно узнаваемым.

— Нет, нет, нет… — Камилла начала пятиться, натыкаясь на шаткий стол. — Этого не может быть. Она мертва. Мы видели, как она упала!

«Вы вернулись?« — шепот прозвучал теперь прямо под левой ногой Алонды, отчего дерево под ней прогнулось, словно кто-то с той стороны подпирал его пальцами. *«Вы пришли забрать меня… или принесли еще одну жертву?«*

— Это галлюцинации из-за радиации, о которой говорила та ведьма! — истерично закричала Алонда, хватаясь за голову. — Это просто отравление, нам кажется, Камилла! Скажи, что нам кажется!

— А как же ключи? — Камилла указала дрожащим пальцем на блестящий предмет, лежащий на полу. — Если это бред, то почему ключи от моей машины лежат здесь, в этом доме, спустя десять лет после того, как мы их здесь оставили?!

Из подпола донесся тихий, мучительный смешок, переходящий в скрежет ногтей по доскам снизу. Пол под ними начал ходить ходуном, а воздух в комнате стремительно холодел, превращая их дыхание в густой пар. Старый дом застонал, будто готовясь рассыпаться под тяжестью того, что просыпалось в его утробе.

7

ПОД ДОМОМ

Доски с оглушительным треском разошлись, словно их рвали изнутри когти дикого зверя. Алонду отбросило в сторону, она ударилась виском о косяк, и мир на мгновение поплыл в кроваво-красной дымке. Камилла, забившись в угол, закрыла лицо руками, истерически повторяя: «Это не она, это просто эхо, это просто память!». Но ответом ей был лишь резкий, пронзительный звук — скрежет металла по дереву. Это было то самое старое, ржавое кольцо, за которое они когда-то тянули, чтобы поднять люк в подпол. Теперь оно вращалось само по себе, описывая круги с неестественной скоростью. Из образовавшейся черной щели пахнуло не сырой землей или гнилью, а чем-то приторно-сладким, как засохшие цветы на могиле, смешанные с озоном после грозы. Алонда приподнялась на локтях, тяжело дыша. Ее взгляд упал на щель, и сердце пропустило удар. Из темноты подвала медленно, очень медленно начала подниматься рука. Она не была скелетом, как они ожидали увидеть после десяти лет разложения. Кожа на ней была серой, полупрозрачной, плотно обтягивающей кости, а пальцы, длинные и неестественно гибкие, были испачканы в черной жиже. *«Вы оставили меня в темноте…«* — голос теперь доносился отовсюду, он вибрировал в грудных клетках обеих женщин, отзываясь тупой болью в костях. *«Вы обещали, что вернетесь за мной. Вы обещали, что мы будем вместе… навсегда». *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.